

18+

Андрей Завальня

ВИНО И ВЕТОШЬ

Андрей Завальня

Вино и Ветошь

«Издательские решения»

Завальня А.

Вино и Ветошь / А. Завальня — «Издательские решения»,

«Вино и Ветошь» — это если бы Чарльз Буковски работал фрезеровщиком на гомельском ЗЛиНе, а «Сказки тёмного леса» перенеслись из питерских болот в грохочущие недра механосборочного цеха начала 2010-х.

Живая, циничная и уморительно смешная изнанка пролетарского ада, зафиксированная двадцатилетним парнем, попавшим на двухлетнюю кабальную отработку. Книга содержит нецензурную брань.

© Завальня А.

© Издательские решения

Содержание

Пояснение вместо введения	6
Я и Тяжелое машиностроение	7
Я и Завод любви и нежности	8
Игнатьевич и интеграция в коллектив	10
Антон Ньюдас и Петушиный день	13
Иван Мурлокотам и реки водки	17
Сестричка и какие-то вафлы	19
Черный токарь и Борода	22
Женик и человек, который любил веселиться	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Вино и Ветошь

Андрей Завальня

Дизайнер обложки Андрей Завальня

© Андрей Завальня, 2026

© Андрей Завальня, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-3409-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пояснение вместо введения

*Мне кажется, у тебя миссия какая-то есть... Собирать покемонов.
Грибуня*

«Почему Завальня?» — часто спрашивают у меня.

Многим кажется странным, что я пишу под псевдонимом. А некоторые даже и не знают, кто такой Завальня. Рассказываю.

Завальня — это герой из произведения Яна Борщевского, белорусского писателя. Пан Завальня, как часто называют его в книге, человек, который выручал путников в нелегкие зимние дни на севере Беларуси. Он обогревал странников, помогал людям с транспортом, едой и ночлегом. А взамен он просил рассказать какую-нибудь необычную историю с мистическим подтекстом, которая имела место быть.

За счет этого пан Завальня знал много историй и различных баек, коими и делился с путниками, так или иначе попадавшими к нему домой и коротавшими долгие зимние вечера у очага за приятными беседами обо всем на свете.

Так и я, как пан Завальня, знаю много интересных и презабавных историй, которые происходили со мной или которым я был непосредственным свидетелем. Многие мне до сих пор не верят, что есть такие люди, как Митя или как Лаврик. Поэтому, если вы не очень верите в материализм историй, они вам тоже могут показаться мистикой. В любом случае — читайте с удовольствием!

Помимо обращения к вам, дорогие мои читатели, я должен обратиться и к нейросети, которая проверяет книгу на наличие всякого экстремизма. Пить водку и ругаться матом все еще можно у нас.

Я и Тяжелое машиностроение

В данном случае тяжелое не оттого, что производятся крупногабаритные машины, а в том смысле, что оно мне давалось крайне тяжело. Стать машиностроителем в нашей стране легко. Желательно родиться мальчиком, но и это не обязательно. Бонусом будет, если ваши родители пролетарии и вы живете с детства в заводском районе. Тогда шансы попасть на этот самый или соседний завод увеличиваются в разы.

Я не стал исключением. Скверный характер, пубертат, перманентный протест привели меня к тому, что в свои пятнадцать лет я ушел из школы и поступил не куда-нибудь, а в учреждение образования «Гомельский государственный машиностроительный техникум» на специальность «техник-технолог машиностроительного производства». После выпуска я должен был стать не просто машиностроителем, а прямо гвардейским машиностроителем! И, как это у нас часто бывает, нас обманули.

Во время учебы, где-то на третьем курсе, техникум стал колледжем, а техник-технолог превратился в техника. И еще в процессе обучения, когда на втором курсе вместе с черчением и высокими разговорами о том, как хорошо быть машиностроителем среднего звена, нам показали токарные и фрезерные станки, я понял, что не сидеть мне в теплом кабинете заводоуправления и не составлять техпроцессы для новых моделей комбайнов. Нас начали готовить к тому, что из почти шестидесяти человек на курсе техниками будут от силы человек семь. Остальные встанут за станки.

Так и случилось. Но и к работе в цеху нас особо не готовили. Несколько недель токарной, фрезерной и станочно-ЧПУшной практики, на которой мы сделали по одной детали, не превратили нас в умелых работников. Станок с ЧПУ я даже не включал. Мне просто отдали корку, что я оператор станка второго разряда. Если что, такого разряда на заводе нет. А далее было распределение по спискам.

Я и Завод любви и нежности

ЗЛиН, он же ГЗЛиН, он же Гомельский завод литья, он же завод ленивых и ненормальных. Последнее подходит более всего.

Если вы ни разу не были на заводе, вам повезло. Но если вы пробыли там хотя бы один день, вы запомните это на всю жизнь. Грегори Робертс в своей книге «Шантарам» говорит, что запомнил запах воздуха в Индии, как только прилетел туда, на всю жизнь.

Что ж, мистер Робертс, вы не чуяли запаха эмульсии, которая применяется для охлаждения при механической обработке металла. Этот запах запоминается на всю жизнь, и, проходя недалеко от завода, если ветер дует с его стороны, вы улавливаете легкие ароматы, которые доносятся до вас и отправляют в старые злые деньки. И уж поверьте, мистер Робертс, этот запах въедается в вас насквозь. Он будет везде: в вашей одежде, на вашей коже, в волосах, в ваших мыслях.

Завод любви и нежности отличается от остальных предприятий производственного объединения «Гомсельмаш» тем, что здесь всё воруют.

Если вы уходите на обед, то прячьте инструмент, потому что он исчезнет. Первые месяцы, пока я не обзавелся своими тумбочками на территории участка, измерительный инструмент, щетку для сметания стружки и некоторые режущие инструменты я носил с собой в гардероб и обратно. А это около километра ходьбы через смежные цеха всего корпуса, где находился мой участок №10 механосборочного цеха №5.

В целом путь от заводской проходной до гардероба составлял больше километра и от гардероба до рабочего места примерно столько же. Поэтому и приходилось вставать в 5:30 утра, чтобы успеть собраться, дойти до автобусной остановки, штурмом взять автобус (потому что, как оказывается, в это время все хотят ехать на ЗЛиН) и пешкариком шлепать до рабочего места.

В теплые сезоны в этом нет особой проблемы. Но вот зимой, когда шквальный снег лупит тебе в лицо, да еще и темень, а в 7:10 утра ты уже должен начать превращать металл в стружку, пробираясь вдоль промышленных строений, чувствуешь себя где-то на крайнем севере в ссылке или на какой-либо промышленной колониальной планете, куда тебя сослали, чтобы ты добывал руду для нужд империи.

И вот, нося при себе измерительный инструмент — штангенциркуль и щетку-сметку (да, да, она так и называется), я работал на заводе.

Первые месяцы были просто отвратительными, потому что ты видишь эти стеклянные и, как правило, пропитые глаза людей вокруг, и тебе становится совсем плохо. Не оттого что это завод, хотя тоже мало приятного, а от коллектива. На тот момент многие работали там по двадцать, а то и более лет. А молодежь, что там была, мало чем отличалась от гопников, которых показывали в советских фильмах.

Им было лет до двадцати пяти. Они слушали шансон и базарили по фене, словно у каждого за плечами лет по десять тюрьмы. Это вызывало чувство смеха и презрения, потому что с нами работали настоящие уголовники и убийцы...

Коллектив на нашем конкретном участке был, скажем так, в некотором роде уникальный. В первую же мою смену ко мне подошла женщина по имени Света:

— А ты зачем сюда пришел?

С виду ей было за пятьдесят. Из-под платка пробивались рыжие с сединой волосы.

— Работать.

Она презрительно засмеялась.

— Тут нам работы не хватает, а еще ты приперся!

По правде, я сам не хотел идти туда. Но отработка есть отработка. Два года я должен отработать, так как до этого четыре года учился бесплатно и получал какую-никакую стипендию. Поэтому я оказался «должен», а долг оплачивается кровью и потом в прямом смысле слова.

На участке косо на меня смотреть начали сразу: в карты со всеми не играл, не курил, да и вообще обедал не со всеми, а ходил в столовую.

Игнатьевич и интеграция в коллектив

Первое время я пытался перевестись если не с завода, то хотя бы из этого цеха. Естественно, что никто не хотел помогать парню на отработке. А увольняться и выплачивать компенсацию было не вариантом. Я ходил к технологам, просил их взять меня к себе — меня посылали. Я ходил в заводоуправление, там мне говорили: «А какого хрена ты вообще сюда пришел?»

Однажды я добрался до начальника ОТиЗ (Отдел труда и заработной платы) завода. Он охренел, когда мало того, что я вошел без разрешения, так еще и не дождался, пока он договорит по-своему айфону (на дворе был 2009-й год, айфоны я видел только в компьютере), да я еще и начал прямо с порога:

— Я хочу, чтобы меня перевели.

— Я тебе перезвоню, — произнес начальник в трубку.

Начальник был, как и положено, в пиджаке и с галстуком и, как и положено в тридцать с небольшим, уже с солидной залысиной.

— Чего?! — это уже мне.

— Я хочу, чтобы меня перевели.

— Откуда, куда?

— С МСЦ-5 в технологи.

— А какой участок?

— Десятый.

— Десятый... — задумался начальник, — десятый... Десятый, это же участок Назарова?

Признаться, я удивился, что начальник, сидящий в пиджаке на одном из верхних этажей заводоуправления, знает, кто старший мастер на участке, который находится больше чем в километре от него. Это притом, что на заводе на тот момент работало десять тысяч человек.

— Да.

— А кто ты там?

— Фрезеровщик.

— Фрезер... и что, мало получаешь?

— Мало.

— Странно... — снова задумался начальник, — обычно фрезеры у Назара нормально зарабатывают. Сейчас наберу ему... может, тебе не дают работу?

И начальник начал в своем телефоне искать номер моего старшего мастера. По правде, внутри меня все немного похолодело. Во-первых, хоть я и работал уже не первый месяц, работал я не в основную смену со старшим мастером, а со вторым мастером — Атамановым. Во-вторых, звездюлины от начальника ОТиЗ моему непосредственному начальнику негативно отразятся на мне уже на участке. В-третьих, тогда мне все виделось в таком свете: за косяки меня уволят по статье, и придется выплачивать штраф за непройденную отработку.

— Подождите! — начал я. — Денег нормально. Я не про деньги пришел разговаривать.

— Не про деньги? — он снова удивился.

— Да, я хочу в технологи. Я узнал, что в техбюро нашего цеха освобождается место технолога, и я бы хотел на него попасть.

— Так технологом ты еще меньше будешь получать.

— Я понимаю... я просто хочу там работать.

— А почему место освобождается? Почему я не в курсе?

— Так я поэтому к вам и пришел...

На самом деле место не освобождалось. Я просто ходил по всем возможным структурам цеха и завода, пока не зашел в техбюро нашего цеха. Там меня, конечно, послали куда подальше. Но сработали, как сейчас говорят, «горизонтальные связи».

Одним из технологов, который слышал, как меня посылает главный технолог, оказался мой «земляк» Паша. Он вышел из кабинета вслед за мной. Паша учился в том же технаре, что и я, но на пару курсов старше. Он мне и предложил схему с ОТиЗ.

Паше было тесно в рамках технического бюро. И он хотел расти. Павел узнал, что освобождается место одного из инженеров в здании заводоуправления и хотел попасть туда. По этому поводу он даже встречался с начальником ОТиЗ, и тот, ссылаясь на то, что на его место нет технолога, отказал Паше в переводе на место инженера. Во мне Паша увидел второй шанс.

— В нашем техбюро место... Паша хочет, чтобы вы его перевели на место инженера в заводоуправление, а я встану на его место, — поведал я начальнику.

— А-а-а! — протянул начальник и растянулся в улыбке. — Это тебя Паша попросил, чтобы я его перевел. Все ясно теперь! Нет, я его переводить не буду. У него контракт технолога, вот пусть и работает. А ты почему не на работе?

— Я во вторую смену.

Начальник посмотрел на часы, и я понял, что мне пора. Я начал выходить из кабинета.

— До свидания.

— А Назару я позвоню, узнаю, почему люди с его участка хотят уйти.

Я был недоволен тем, как закончился разговор с высоким начальством. Недовольство жизнью по направлению к рабочему месту станет перманентным для меня на многие месяцы вперед.

В тот день в конце смены, когда я присел передохнуть за стол, который находился в центре участка, напротив меня уселся Игнатъевич.

Игнатъевич — крепкий дед, на тот момент ему еще не было шестидесяти. Роста он был, наверное, метр восемьдесят, широкий в плечах и с большими кулаками. У него была залысина, и на работе он носил черный берет, чем мне напоминал любого черепашонка из черепашек-ниндзя. На тот момент на ЗЛиНе он работал уже двадцать седьмой год наладчиком станков.

— На отработке?

Я кивнул.

— Сто сорок четвертое училище?

— Нет, машиностроительный техникум.

— Это шестое что ли?

— Это на Солнечной который.

— А-а-а-а! — понимающе протянул он.

Я начал кивать в попытке поддержать разговор, потому что за эти несколько месяцев ни с кем продуктивного диалога у меня не получилось.

— А почему в армию не пошел? — задал резонный вопрос Игнатъевич.

В тот момент в армию мне идти не хотелось по идейным соображениям.

— Я учусь заочно на юриста в России.

— Злынка?

Признаться, от такой проницательности этого деда я тогда офигел, потому что действительно ездил на сессии в город Злынка. Там находилось представительство Брянского филиала учебного заведения, где я и получал высшее образование.

Вопрос про армию очевидным, потому что вместо того, чтобы ебошить за станком, можно было ебошить в армии, но на полгода меньше. Но какое «но»! На протяжении всего времени работы этот вопрос мне задавали неоднократно, в том числе и мастер. И когда я ему

ответил, что поступил на заочку и два года буду отрабатывать на ЗЛиНе, мастер на минуту задумался, а потом сказал:

— Наверное, лучше бы ты в армию пошел.

Что лучше, армия или завод, мне сравнивать не пришлось. Сравнил мой друг Саша, который, как и я, отрабатывал два года, но только в соседнем цеху. Ему повезло больше: он после двух лет на заводе пошел в армию. Саша по возможности звонил мне оттуда. И однажды я у него спросил, где хуже. Он так же, как и мастер, задумался на какое-то время, а потом ответил: «На ЗЛиНе хуже было».

В общем, при взгляде на меня у Игнатъевича, наверное, появилось чувство жалости, и он «пригрел» меня в своей тумбочке, то есть я мог класть инструменты в его ящик на участке. Моей радости тогда не было предела. Как же классно ходить по заводу, когда твои карманы не оттопыривают всякие железяки! После того как Игнатъевич «взял меня под крыло» и люди на участке увидели, что я кладу инструмент не куда-нибудь, а в ящик Игнатъевича, косых взглядов в мою сторону стало меньше.

Так устроен разум человека, что он начинает искать плюсы вокруг. Завод не стал исключением. Плюсом стали философские беседы в конце второй смены около полуночи с Игнатъевичем. Порой к нам присоединялся мастер и другие любители потрындеть и погреть уши. В этом что-то было.

Ты грязный, твоя синяя роба в белых разводах, потому что пропиталась потом за смену насквозь. К концу недели она начинала хрустеть от соли. Ты уставший как физически, так и морально, порой потому, что доказывал отделу качества, что ты не верблюд и брак не делаешь. За столом, где собрались работяги, пахнет эмульсией, сигаретным дымом, кто-то пьет из поллитровой банки чай, который заварил прямо в ней. И вот вы сидите такой компанией, и начинается дискурс о святых писаниях и о том, насколько христианская мораль применима к реалиям закрытых обществ. Было что-то в этом волнительно-прекрасное и романтическое. Станки, сигаретный дым, ночь, все в грязи, и разговоры, что бы сделал Христос, окажись он в механосборочном цеху.

Постепенно я начал вливаться в коллектив в прямом смысле слова. На пьянке в гараже по поводу ухода Игнатъевича на пенсию, увидев, как я пью водку из пластикового стаканчика, многие начали подходить ко мне, класть руку на плечо и говорить: «А ты, оказывается, нормальный пацан». Оно и понятно, потому что на завод я пришел с прической «билановкой». На затылке у меня был хвост. И как раз накануне ухода Игнатъевича на пенсию я встал дома в ванной перед зеркалом и машинкой подстриг себя практически налысо.

После пьянки авторитет мой начал немного расти.

«А как же Паша?» — спросите вы.

Паша подождал, когда закончился контракт, после чего уволился и устроился в министерство промышленности, а через год приехал на ЗЛиН всех натягивать на вал правосудия с проверкой.

Антон Ньюдас и Петушиный день

Антон Ньюдас запомнился мне с первых дней на заводе. Он был невысоким, но очень широкоплечим, с массивным торсом. Брился налысо, так что в начале смены на его голове отражался свет от цеховых ламп. На вид ему было лет сорок. В молодости занимался боксом.

Чем он мне сразу запомнился, так это тем, что со всеми вступал в философскую полемику, и я был уверен, что как только он со мной вступит в дебаты, я его уничтожу. Но он не вступал, потому что я был еще новым для него человеком. Как я говорил ранее, я работал с настоящими убийцами.

Вообще, завод, а если конкретно наш цех, представлял собой что-то вроде ссыльного острова. Здесь были уголовники, «химики», алиментщики, «торпедоносцы» и прочие весьма маргинальные люди. В народе не зря ходит поговорка: «В тюрьму могут и не взять, а вот на ЗЛиН — пожалуйста».

Вот и Антон был из этого контингента. До того, как попасть на завод, он десять лет отсидел за убийство, потом еще несколько лет в колонии поселения. Он зарезал человека и, по всей видимости, по предварительному сговору лиц. Как и многие, кто побывал в местах не столь отдаленных, он уверовал в бога и обленился, хотя всегда говорил, что не боится работы.

Ньюдас, как и я, был фрезеровщиком, но делал он исключительно ту работу, которая ему нравилась. То есть по первости я, как и большинство, делал работу, что мне давал мастер. Антон же делал работу, которая есть в его списке работ. Это «плита» — металлическая пластина полметра в длину, толщиной в сантиметр, на ней надо делать фаски. Еще «подвеска», потому что их можно фрезеровать сразу по две. Это небольшая железяка, похожая на подошву утюга, служившая для скрепления труб. И балка — одиннадцатиметровый железный брус, который сначала сверлят, потом фрезеруют.

Антон, естественно, фрезеровал. Если приезжало пару ящиков плиты, то Ньюдас работал во все смены сразу. Он приходил на работу и мог фрезеровать сутки (это три смены подряд). Мы приходили — Антон фрезеровал, мы уходили — Антон фрезеровал, мы приходили на следующее утро — Антон фрезеровал. В одно такое солнечное утро он подошел ко мне. Лицо его было в черных разводах от копоти и пота. Голова такая же.

— Подскажите, пожалуйста, — начал Ньюдас, — я уже не помню, сколько я здесь и где я. Вы не подскажете, где здесь выход?

Я немного опешил от «вы» и не мог разобраться, на самом ли деле он ничего не понимает.

— Антон, здравствуйте. Выход там, — с улыбкой решил подыграть ему я, указывая на проход в сторону гардероба. А на «вы» я был практически со всеми, кто был старше меня.

— Спасибо вам, добрый человек.

Лицо Антона было серьезным и уставшим.

Работа в таких цехах сдельная, и сколько ты сделал деталей, столько тебе и заплатят. И при этом ты должен записывать в листок сменного задания не больше двух норм, иначе расценки уменьшат. Чтобы этого не происходило, Антон вламывал таким способом, чтобы потом не работать, а ходить по цеху и расписывать сделанные детали на дни вперед, и, конечно же, чтобы никто не сделал его детали за него. Иначе он может дать по морде или еще чего хуже.

А вот в деньки, когда на участке не было его деталей, Антон гулял по цеху. Была ли работа, которую он мог делать? Была. Мастера могли сказать ему «Делай!». Могли. Но в ответ скорее всего услышали бы, что ему запаadlo делать такую работу, потому что она не по его масти, или что сегодня «Петушиный день» и работать нельзя. Вообще, тема с «Петушиным днем», как оказалось, очень удобная. Словосочетание применяется, если все валится из рук и день неудачный или когда тебе лень что-то делать на работе и ты объявляешь сегодняшний день Петушиным. Дальше будут и Петушиные недели, и даже месяцы.

В какой-то период «плита» долго не поступала в цех, у Нюдаса начали заканчиваться заранее сделанные детали, и он начал ходить по участку со словами «нет работы, снова Петушиный день!».

На планерке мастер Атаманов говорит Нюдасу:

— Антоха, там граблина приехала. Станок настроен, можешь идти делать.

— М-да, Петушиный день.

Я сидел в это время за столом с остальными и начал невольно улыбаться.

— Антон, — мастер пошел на второй круг, — граблины приехала целая пачка. Ее надо сделать. Ты все равно без работы.

— Нет работы, — Нюдас даже не смотрел на мастера.

— Антон, граблина!

— Представляешь, Андрюха? — это Нюдас, уже глядя на меня. — Нет работы совсем. Хорошо, что пятница сегодня. Может, после выходных что-то появится?

Я начал кивать с улыбкой.

— Граблина! — не сдавался мастер.

— Пойду перекурю что ли. А что еще делать?

После этих слов Антон направился в курилку.

Таких Петушиных деньков было много у Антона. Однажды он узнал, что, пока он был в отпуске за свой счет на пару дней, другая смена сделала плиту за него, потому что ее нужно было сдать срочно.

Антон обиделся и ни с кем не разговаривал несколько дней. Он даже не здоровался. Ты ему протягиваешь руку, а он смотрит сквозь тебя. Антон исправно ходил на смены, но просто весь рабочий день сидел на скамейке в курилке, глядя перед собой. Потом он ушел на больничный.

Больничные — это отдельная тема, и очень интересная, потому что тогда, в 2009—2011 годах, ходить на больничный было весьма удобно и прибыльно: платили тебе среднюю зарплату, а на заводе уходить на больничный не так уж и сложно. Это тебе не айтишная хуйня, когда ты с температурой 39 сидишь за компом, кашляешь, кряхтишь, хрипишь, пердишь, но работаешь, потому что, ну хули, ты же дома.

На заводе увидел, что горло красное или температура 37,3, — самое время поберечь себя. Вызываешь врача на дом, говоришь, что была температура 39,5, ты ее сбил до 37,3 и очень плохо себя чувствуешь. И добрый доктор, сидя в сапогах у тебя в комнате, выписывает тебе больничный. Нюдас же, как человек, который десять лет провел в заточении, способов, как откосить от чего-либо, знал куда больше, чем рядовой заводчанин.

Его излюбленный способ был «накатать руку». Он брал ручку с гранями, прикладывал к тыльной стороне ладони, а второй рукой начинал катать ручку по кисти, от предплечья в сторону ногтей. Примерно минут через 15—20 кисть от такой процедуры начинает распухать, потому что кровь начинает циркулировать неправильно.

Тогда Антон идет к врачу и говорит: «Проснулся с утра, а рука распухла. Не знаю, как это произошло». Доктор назначает различные мази и выписывает больничный. Антон не работает, получает деньги, да и на участке спокойнее. Никто не достает своим Петушиным днем, потому что не всегда, когда нет работы, Нюдас сидит в курилке. Обычно он подходит к кому-нибудь, кто не отрывается от станка, и начинает рассказывать про зону, петухов и как был на практике на Сельмаше, и как он дрочил на лесоповале. Также были и истории про женщин. Про женщин обычно заканчивались тем, что Нюдасу не дали.

Когда больничный все-таки закрывали, а его любимой работы не было на участке, он начинал доставать начальника цеха. Начальник цеха, крошечный мужчинка с усиками, как у котика, был уже пенсионером, всегда ходил в пиджаке и имел грустное лицо. Говорил он всегда

булькающим и недовольным голосом. Больше всего он был похож на «Барсика». Порой мы так его и называли.

Так вот, Барсик из-за своего низкого роста любил ходить между станками (потому что становился незаметным) и подлавливать тех, кто курит на рабочем месте. А как ты поймашь Антона с сигаретой на рабочем месте, когда работы нет и вообще Петушиный день?

Антон сам подлавливал начальника цеха:

— Семен Васильевич, нет работы.

— Как нет? — грустно уточнял Барсик.

— Петушиный день. Не привезли заготовки.

Тогда начальник звал Нюдаса с собой, шел между ящиками по участку, указывал пальцем на заготовки, которые не нравились Антону, и говорил:

— Вот это надо сделать, вот это надо, и это сдать к концу месяца.

— Нет работы. Петушиный день!

Барсик, как начальник цеха, не должен уговаривать фрезеровщика работать, потому что на это есть мастер. Он быстро понял, что заставить Антона работать он не сможет и наорать тоже, потому что они в разных весовых категориях. Антон однажды уже зарезал человека. Кто знает, что может произойти с маленьким человеком между высокими ящиками с заготовками? Барсик обычно быстро ретировался с участка, потом звонил мастеру и говорил, чтобы он занялся Нюдасом.

Когда Нюдасу надоедало слушать «Антон, иди работать!», он вешал за пояс в штаны молоток и гулял с ним по участку. Когда видел, что к нему идет кто-нибудь из мастеров, он доставал молоток из штанов и начинал им размахивать по кругу на всю длину руки и кричать: «Мастер, я тебя не слышу, ближе подойди!» Естественно, после пары попыток докричаться до Нюдаса мастера бросали это дело и не подходили к нему ближе, не желая получить молотком по голове. Антон был свободным человеком, так сказать, вольным каменщиком, точнее говоря, вольным фрезеровщиком.

Нюдас очень любил вести беседы. Точнее любил говорить и рассказывать. Иногда это у него получалось очень интересно.

После очередной второй смены мы сидели за столом и к нам подсел Антон. Мы говорили про музыку и пили чай. Антон слушал нас примерно минуту, затем перебил меня на полуслове:

— Андрей, когда баба хуй сосет, это нормально?

От неожиданности я поперхнулся чаем.

— Что? — откашливался я. — А при чем здесь это? Мы про музыку говорим.

— Нет, ты ответь, когда баба хуй сосет, это нормально?

— Ну... — по правде, я не знал тогда, какого ответа он от меня ждет, и попытался ответить что-то нейтральное: — Если взрослые люди наедине и всё по обоюдному согласию, то почему нет?

— Была такая баба. Так сосала хорошо. Мухой звали. Она в Белице жила.

— Антон, а к чему...

— А ты знаешь, что больше половины мужиков, которые на зоне, сидят из-за баб? Из-за матерей, жен, сестер, любовниц. Из-за баб!

Он уставился на меня немигающим взглядом.

Я молчал, потому что уже понял, что лучшая тактика — не спорить с ним, а выждать, пока он расскажет, что хотел.

Антон продолжил:

— Со мной сидел один такой из-за жены. Он домой пришел. А жил он в частном доме. Злой что-то пришел. Жену выебал. А жена ему: «Это все, на что ты способен?» Ну он такой: «Ну, сука, я тебе покажу, на что способен!» Пошел в огород, набрал бураков, моркови, огурцов, кабачок. Вернулся в дом, и все это ей в манду! И она померла! Представляешь?

Участок сотрясал смех Нюдаса. Я, если честно, охреневал от услышанного, а Антон же заходился хохотом.

— Судмедэксперт охренел, когда из нее вот такие бураки доставал! — показывая руками размеры овощей, продолжал Антон. При этом от смеха у него проступили слезы.

В этой истории меня напугал даже не изощренный способ убийства, а то, что жена вряд ли спокойно лежала и ждала, пока муж ее нафарширует корнеплодами. Скорее всего, она не только кричала, но и дралась. И то, что ее сопротивление не остановило этого мужика, вот это меня испугало. Это какие же нервы должны быть, чтобы такое сделать с человеком? С этой истории охренел не только я, но и все, кто был за столом в тот момент.

На следующей смене была другая история про женщин от Нюдаса:

— Я был на практике, еще пацаном. Был в цехе барабанов на Сельмаше. И там контролерша была. Ой, красивая. Блондинка. Сиськи вот такие! И я ей понравился. В общем, она хотела, чтобы я ей засадил. А где я ей засажу? Я ж студент, денег нет, домой ни привести. А она уже аж не может, уже вся мокрая. Говорит, давай хоть на заводе, хоть в цеху. А где ты ее положишь или поставишь? И она говорит: «Давай на крыше, там уже ебались наши». Ну я беру ватник, чтобы там на крыше постелить. И поднимаемся мы с ней на крышу цеха. Поднялись, а там замок на двери навесной. Ну, еб твою мать! Я давай его ломать! И руками, и ногами! И ни хрена! Я уже под конец аж завыл, как волк, так мне обидно стало, что не засажу ей на крыше. Ну, в общем, она мне так и не дала.

Как вы понимаете, одной историей, как Антону не дали, не ограничится. На следующей смене была другая история:

— Иду я возле универмага. И ко мне подходит женщина, такая симпатичная, и говорит: «Можете мне показать, где улица Песина, а я вам за это отсосу?» А я ей: «Может, не отсосешь, а по-другому считаешься? У меня с собой пятнадцать кубов вазелина». Она так офигела и говорит: «Да ну на фиг, страшно!» А потом такая: «А можно хотя бы потрогать?» В общем, я ей показал, где Песина, а она мне так и не дала.

После нескольких смен, где Антон рассказывал свои монологи несмотря на то, что я не хотел их слушать, я старался лишний раз не заводить с ним разговор. Порой приходилось действительно от него прятаться между станками или между ящиками с заготовками, которые стоят в несколько ярусов друг на друге. Антон не доставал разговорами, только когда работал.

— Андрей, а ты веришь в бога?

Однажды я не успел от него спрятаться. Такие вопросы на заводе я не любил, потому что они не приводили к философским размышлениям с обеих сторон, а лишь распаляли недовольство верующих людей.

— Ну... — начал тянуть я.

— Бог есть. Я это понял, когда сидел в тюрьме, потому что он меня наказал не за то, что я человека зарезал, а за то, что мы перед этим в Минске крест пропили. И вот за это нас господь и покарал.

Я лишь кивал и ждал, когда он уйдет. Митя, например, в таких ситуациях включал на станке подачу посильнее, чтобы он шумел громче, и просил Антона продолжать рассказ погромче. Антон быстро уставал перекиривать станок и уходил.

Иван Мурлокотам и реки водки

Но не одним Антоном Нюдосом был славен наш участок! Как я говорил, персонажи и личности там были как на подбор.

Я, как фрезеровщик, в первую очередь познакомился со своими собратьями по станкам. Одним из них и был Иван, он же Мурлат, он же Мурлокотам, он же Мурлатый. Самое интересное, что когда от других я услышал «Иди у Ивана Мурлатого спроси», я решил, что это его настоящая фамилия и несколько месяцев был в этом уверен. И я не понимал растерянности табельщицы, когда на вопрос «Какой Иван?» я отвечал: «Иван Мурлатый!»

Иван, как и все фрезеровщики, был высокого роста и достаточно упитанного телосложения. А прозвище Мурлатый он получил из-за своей улыбки. Мужик он был добрый, несмотря на то что был фрезеровщиком, много пил и курил. Но вот когда он улыбался, то казался таким добродушным и лучезарным, что напоминал большого плюшевого мишку, которого хотелось обнять. Также его ласково называли Мур-Мур. Работал он, в отличие от Нюдаса, каждый день и в прямом смысле слова в поте лица.

Летом в цеху было жарко: станки работали, металл горел, эмульсия испарялась. В цеху бывало по 35—40, а то и выше градусов. А учитывая комплекцию Ивана, жару он переносил хуже, чем я, поэтому по понедельникам в жаркие деньки он не приходил на первую смену: к обеду в цеху начиналась парилка. Он не приходил и на вторую смену, потому что она начиналась в 15:40, а это, по сути, пик жары. Он приходил на третью смену, к полуночи, один. После добросовестно отработанной ночи Иван оставался в первую смену вторника, чтобы потом уже со среды ходить в первую смену. А ему было за сорок на тот момент.

Для Мурлата это была норма. Две смены подряд не составляли особого труда, как и водка после двух таких смен. Про его колоссальное здоровье ходили интересные разговоры. Впрочем, я потом убедился в этом и сам. Тем, что он мог пить водку прямо из бутылки, никого не удивишь. При этом у Мурлата всегда был с собой телескопический металлический стаканчик, который, когда нужно, он доставал и раскладывал. Человек был всегда готов, и стакан у него было полон, а не вот это: «Для вас стакан наполовину полон или наполовину пуст?»

У Ильи — это один из фрезеровщиков — случился юбилей. Как принято на заводе, такие круглые даты отмечаются день в день. Поэтому в понедельник на первой смене Илья объявил, что вся смена будет пить во вторник после работы.

В этот же понедельник Мурлат вышел в третью смену и про приглашение на юбилей не слышал. Он узнал про юбилей во вторник на первой смене, потому что не ушел домой. И, конечно же, после работы он пошел со всей сменой отмечать. Собралось нас человек около двадцати под мостом в нескольких автобусных остановках от завода. Пришел и Игнатьевич, который уже больше чем полгода был на пенсии. Пили мы много и радостно. Звучали тосты за здоровье юбиляра. Больше всех мне запомнился тост от Антона Нюдаса: «Желаю тебе здоровья, и чтобы каждый встречный на улице говорил тебе: «Здравствуй, папа!». Пили мы долго, благо было лето и темнело поздно.

За свои годы на заводе пьянок я видел много, но это одна из тех немногих в жизни, когда наутро мне было не просто плохо, а очень плохо. Я не помню, как добрался до дома. По словам соседей, я шел вприпрыжку и что-то пел. Я этого не помню. Со слов матери, я вошел в квартиру и лег спать прямо на коврик. Она мне объяснила, что спать на коврике не вариант. Тогда я пошел в ванную, где разогнался, чтобы лечь в самую ванну поудобнее, и башкой отломал все полки с шампунями. Затем я все-таки добрался до дивана.

На следующее утро я проснулся пьяным. Таким я оставался где-то до 8—9 утра. Затем мне становилось хуже и хуже. Чтобы не бежать через полцеха в туалет блевать, я подвинул к своему станку ящик со стружкой поближе и строгал прямо туда. На обеде я даже не стал

есть, а лег спать на скамейке за станками. Подремав сорок минут, улучшения в организме я не почувствовал и работал через силу. Если честно, мне было настолько плохо, что в тот момент я хотел, чтобы начальник цеха увидел, как я блюю в стружку, и выгнал меня к чертям собачьим. К счастью или к сожалению, этого не случилось. Но что самое поразительное для меня было в тот день, так это то, что Мурлат после шестнадцати часов работы пил со всеми наравне и с утра в среду ему не было плохо. Он был, как всегда, со своей милой и жизнерадостной улыбкой.

Позже этот случай я рассказал Мите. Он посмеялся и рассказал свой случай:

— У меня умер тесть, и я попросил Мурлата помочь. Мы поехали сразу со смены в деревню, где жил тесть. Мурлату в дорогу я взял бутылку водки. Он ее выпил. Приехали туда. Он там начал тоже то рюмаху, то соточку. А с покойником же надо еще ночь сидеть. Мурлат вызвался. Но чтобы высидеть, ему еще оставили бутылку водки. К утру он ее выпил. Потом тестя повезли на кладбище. Мурлат спать не ложился. Затем за стол все сели после похорон. Мурлат пил. Потом мы поехали в город. Мурлат пил в дороге. Услышав эту историю и сопоставив то, что было на юбилее, Мите я поверил.

Пару раз я проставлялся Мурлату за отпуск. Пили мы после второй смены на улице, недалеко от проходной ЗСК (сейчас это Гомсельмаш). Я ему покупал две бутылки водки и пачку копченой сайры. Одну бутылку он выпивал с сайрой за мой отпуск, а вторая бутылка нужна была, чтобы он дошел до дома, потому что транспорт после часа ночи уже не ходил, и, чтобы ему было проще добраться до дома пешком, он заправлялся водкой по дороге.

Мурлат и Антон Нюдас дружили. Это мне казалось странным. Нюдас все разговоры сводил к дрочке и неклассическому сексу с женщинами. У Мурлата же палитра тем для общения была шире. Помимо работы с ним можно было затронуть и жизненные темы. И, как я говорил, Мурлат уничтожал водку, а Антон тогда вообще не пил, потому что, с его слов, «свое уже отпил».

Дружба Нюдаса и Мурлата удивляла не только меня. У Мурлата с Митей это была одна из тем преткновения для споров и ссор. Однажды я увидел, как Митя и Мурлат о чем-то громко спорят. И в какой-то момент они подошли ко мне вдвоем.

Первым заговорил Митя:

— Андрей, у нас тут спор.

— Скажи, Андрюха, — подхватил Мурлат, — о чем можно с Нюдасом разговаривать?

— Про дрочку, про то, как ему не дали, и про жопу, — ответил я.

Митя засмеялся, потому что я подтвердил его аргументы в их споре.

— Ну нет, — начал оправдывать Нюдаса Мурлат, — он нормальный. С ним и про работу можно поговорить...

— Да он же ни хрена не работает! Просто ходит по участку, достает всех разговорами!

— Ну нет! — не сдавался Мурлат. — Я с ним говорил нормально. Он и в деревне жил. И там работал, и дрова колол, и воду таскал.

В тот день Мурлат так сильно поругался с Митей из-за Нюдаса, что домой они пошли по отдельности несмотря на то, что им было в одну сторону.

Сестричка и какие-то вафлы

Осенью 2009-го я открыл для себя сезон бритья практически налысо и продолжал так следующие несколько лет подряд. Помимо этого я носил коричневую кожаную куртку, камуфляжные штаны, которые заправлял в берцы с металлическими носами. А вот зимой я носил черное длинное пальто до колен и темные джинсы. Однажды прохожая бабуля спутала меня с сотрудником НКВД или КГБ и рассказала про политически нестабильных соседей, на что я ей ответил: «Спасибо за сигнал! Мы с ними со всеми разберемся!»

Зимой меня к себе в гости позвала Ксения. Она является мне четырехъюродной сестрой, если есть еще такие степени родства. Сестричка снимала койко-место в одной из малосемеек на «Балбесовке». Балбесовка — это квартал района Сельмаш, который представляет собой ряды больших домов с квартирами малосемейного типа. На одном этаже что-то вроде 16—18 однокомнатных квартир. Также этот квартал именуется «Молодежка».

Все это тянется с 1980-х годов, когда завод «Гомсельмаш» расширялся и принимал сотрудников не только среди горожан, но и из деревень. Как правило, это были молодые люди без специального образования. Завод их принимал в ученики, обучал, селил в заводских общежитиях, коих немало. А затем, когда эти молодые люди женились, завод выдавал им квартиры на «Молодежке». Оттуда и название.

«Балбесовка» же из-за того, что там много пили. А как правило, пьяные люди ведут себя не очень умно. Помимо этого особо развлечений не было. А не все люди без образования любят читать или ходить в театры, поэтому приходилось пить. В общем, сестричка снимала в одном из таких домов койко-место. Там жила и ее ровесница Таня, которая сама была из Добруша, но по наследству ей досталась такая малосемейка, и в Гомеле она училась на страхового агента. Таня решила проявить смекалку: начала сдавать в аренду вторую кровать.

Сестричке моей тогда при поступлении с общагой не повезло, и она решила воспользоваться этим предложением. И вот зима, и я, выпивая где-то с Сашей и Сережей из техникума после того, как провел их на транспорт, откликаюсь на ее предложение зайти в гости. Она попросила купить вина и еще чего-то, скорее всего сигарет.

Я захожу к ним: девушки уже знатно ужаленные. Располагаемся на кухне. Пьем. Хозяйка квартиры курит за столом. Кухня три на четыре метра. Ходить там не получается, да и стоять не очень удобно, если вас там больше одного человека. Что уже говорить про то, чтобы сидеть. Таня сидит за столом, Ксения стоит рядом. Я сижу как бы за столом на табурете, но половина меня уже находится в прихожей.

Есть во всем этом какая-то непрозаичность, какой-то вдохновляющий флер. Кухня, в которой не развернуться, сигаретный дым, который выедает глаза. Девка с классной жопой, которая курит напротив тебя. Где-то слышно, как сосед душит собаку. Под окном пьяные орки в беседке поют: «Господи, помоги!» Во всем этом, мне кажется, и искали вдохновение Лимонов, Балабанов, Сигарев. Это и есть жизнь: крепкое вино, женский смех, разнузданные разговоры.

И все было хорошо, пока у Тани не зазвонил телефон. Она вышла из кухни, поговорила, вернулась и радостно произнесла:

— Ко мне сейчас придут мои лучшие друзья из Добруша!

— А нахуя они здесь? — резонно спросил я.

— Потому что они в Гомель приехали.

— Я тогда пойду домой.

— Не уходи! — Ксения накрыла мою ладонь своей.

— Да, не уходи! — вторила сестричке Таня. — Будет весело.

— Да на качелях я катал такое веселье, нормально же сидели! — не сдавался я.

После нескольких минут уговоров я все-таки решил остаться.

Через какое-то время на кухне появились еще двое, и место там закончилось окончательно. Новых гостей звали Денис и Слава. Слава молчал, чем снискал мое уважение. А вот Денис, белобрысый парень примерно моего роста и возраста, не затыкался. Я молча слушал, как он с Татьяной вспоминал зазорные деньки в Добруше, пока он не пизданул:

— Еле добрались от вокзала до тебя. Транспорт, конечно, в Гомеле, хер поймешь. Десятка есть и троллейбус, и автобус, автобус до тебя идет, а троллейбус не идет.

— А в Добруше инфраструктура лучше, хочешь сказать?

— Вообще-то, я из Санкт-Петербурга, — сказал Денис, как отрезал.

Это меня взбодрило, потому что я очень часто ездил в те времена в солнечный Санкт-Петербург к своим многочисленным родственникам.

— А ты с района какого?

Денис посмотрел на меня с явным неодобрением.

— А какая разница?

— Такая, что я тоже из Питера.

— С Невского.

— А я с Красногвардейского. Так получается, мы с тобой соседи!

Похоже, новость о том, что кто-то в помещении кроме него был и бывал в Питере, омрачила его. Наверняка, вслед за историями про веселье в Добруше должны были последовать истории о том, какой он крутой пацан там, у себя в Питере. Это, как знаете, истории из разряда «У меня есть мотоцикл, но он у бабушки в деревне!» или «У меня было тридцать пять сексов, но в деревне с девушкой... ну, вы ее не знаете!».

— Слышишь, Питерский, а че ты пива такого галимого купил?

— А что не так с этим?

— Ну я не пью такое, — напирал я.

— Я ж тебе говорю, что я из Питера, я не знаю, какое у вас нормальное пиво.

— Так пойдем выйдем в магазин, я тебе покажу, какое надо, и ты купишь.

— Ну пойдем выйдем.

Мы спешно оделись и спустились на улицу. Морозный зимний воздух бодрил. Денис закурил.

— Ну и где пиво у вас нормальное продается?

— А пойдем я тебе покажу.

И мы направились в ларек.

— Ну, рассказывай, Питерский, чем занимаешься.

Скорее всего, мой внешний вид человека в шпионском пальто как-то повлиял на него. Говорить он начал мягче.

— Да я... учусь на электрика.

— Слушай. Вот ты говоришь, что из Питера, а Таня говорит, что ты из Добруша. Это как?

Мы уже были у ларька, где я показал Денису, какого и сколько пива брать.

— В Добруше у меня бабушка.

Мы уже шли обратно.

— И ты на каникулах приехал к ней?

— Нет. Я в Добруше учусь на электрика и живу у бабушки.

— А поступал ты после девятого класса?

— Нет, после одиннадцатого.

И тут меня начал разбирать смех, которому я не сопротивлялся. Я хохотал громко и искренне.

— Получается, ты закончил школу в Питере, не смог там поступить ни в одно из всех учебных заведений и приехал аж в Добруш учиться и жить у бабки, чтобы не платить за жилье! Ебать ты, конечно! Ха-ха-ха!

— Ты не знаешь, кто я, и не можешь так говорить.

— Знаю! — парировал я.

— Так и кто я?

— Да ты лох! Лох, который никуда не смог поступить и приехал к бабке и сел на шею.

— Ты не можешь так говорить! — не сдавался Денис.

— Почему не могу? Лох! Вот только что же сказал.

— Сразу видно, мент! — сквозь зубы процедил Питерский.

— Я тебе за мента ебальник вскрою, понял?!

Похоже, что он поверил и как-то притих.

Мы поднимались в лифте, Денис смотрел куда-то в пол, а я смотрел на него в упор.

— Ты что подумал, что я ментовской? — спросил я.

— А разве нет?

— Нет, конечно, — усмехнулся я.

В квартире у Тани произошли небольшие перемены. Таня сидела у Славы на коленях, а сестричка моя лежала у себя на кровати.

Зайдя на кухню, я выпил немного пива, сказал: «Скучно с вами» — и пошел в комнату, лег на кровать сестрички. Между нами было расстояние примерно в локоть. Мы лежали в темноте, разговаривали, вспоминали различные истории и смеялись. Так продолжалось минут тридцать или, как говорят писатели, «две четверти часа». Вообще, всегда кажется странным, почему пишут «четверть часа». Наверное, потому что пятнадцать минут звучит как-то несерьезно и человек понимает, что это немного. А вот четверть часа, это вот да, монументально и интригующе. В общем, через полчаса в комнату зашла Таня и всунулась между мной и Ксенией на кровать: к сестричке лицом, ко мне, соответственно, задом.

— Таня, какого хрена? — начал я.

— Мне без вас скучно! — пояснила Таня.

— Так ты же сама позвала своих друзей, иди и развлекай их.

— Я хочу с вами!

— А мы не хотим.

— А я хочу!

— Ну раз хочешь... — сказав это, я обеими руками схватил ее за задницу.

Таня закричала, но не так, как будто ей больно и неприятно, а скорее игриво и на кураже.

— Если хочешь, так раздевайся!

Я начал мять ей ягодицы. Таня принялась убирать мои руки, кричать громче и уже членораздельно:

— Слава, Денис! Помогите, идите сюда!

— Чего ты орешь?! — начал кричать я.

— Чтобы парни мне помогли! Слава, Денис, помогите!

— Да че ты орешь? Я и тебя, и их выебу!

Слышимость была прекрасная, и парни улавливали весь наш диалог, но почему-то на помощь ей никто не спешил. Кричать девушка перестала, но и руки я убрал. На какое-то мгновение повисла тишина. Затем из кухни раздались голоса парней, они продолжили говорить о своем. Таня переползла на свою кровать и вскоре уснула. Оставаться мне там было больше неинтересно. Я начал собираться домой. Денис и Слава, увидев, что я одеваюсь, вышли попрощаться, просовывая ладони. Руки я им не пожал, а просто сказал: «Пока, вафлы».

Черный токарь и Борода

Зимой 2009—10 годов я поехал в Санкт-Петербург, где и встретил Новый год. По возвращении в Гомель в первой декаде января на работу я не вышел, так как у меня был официальный вызов на сессию на двадцать один день, из которых действительно на сессию ушло суммарно дней шесть-семь. Остальное время я потратил на кино, написание рассказов, распитие различных напитков.

На завод вернулся только в феврале, и буквально с первых минут я впал в ту ярость, которая уже забылась за новогодние праздники и учебную сессию. В ярость я пришел, потому что как только открыл свой ящик в гардеробе, обнаружил там кучу каких-то чужих шмоток, отсутствие своих ботинок и пустую бутылку из-под водки. Сначала я не понял: может я не тот шкафчик открыл? Но рядом со мной появился Митя и, открывая свой шкафчик, бросил мне:

— О, Андрюха! А ты чего тут?

— В смысле чего? Работать пришел.

— А мы думали, что ты в армию ушел.

— Я на сессии был!

Митя усмехнулся.

— Меня не было месяц, а тут уже кто-то другой в моем шкафчике.

— Да ну нахуй?! — Митя не поверил и заглянул в шкафчик. — А, точно! Это же студенты. Да они тут вдвоем переодеваются, практиканты.

В этот самый момент я увидел слева от себя невысокого паренька с волосами до подбородка, выкрашенными в яркий блонд.

— Эй! — крикнул я ему. — Это твои тут переодеваются?

— Н-нет, — парень если не испугался, то явно оробел.

— Да еб твою медь! — процедил я и начал выкидывать вещи из своего ящика.

Учитывая, что это была первая смена и в гардеробе было достаточно тихо, мои коллеги слышали меня хорошо. Ко мне подошел сварщик, поздоровался со мной, удивился, что заняли мой шкафчик, и предложил пойти к гардеробщице, что я и сделал. Бедная женщина тоже была уверена, что я уже принял присягу в одной из воинских частей, и сначала удивилась, что я вернулся. На мои крики «А какого хрена?» она пыталась возражать про армию и про то, что бедных студентов надо было где-то разместить. Естественно, я покрыл матом и ее, и студентов. В конце концов она предложила мне самому перебраться в другой ящик. Я же собрал шмотки студентов, приволок в ее подсобку и кинул их на пол.

Уже в цеху я нашел студентов, что оккупировали мой шкафчик, рассказал, где искать им свои шмотки, и сказал, чтобы так откровенно не палились тарой из-под водки.

Нужно пояснить, что на заводе новеньких людей не особо любят, особенно молодых и особенно студентов. По сути, я уже стал своим на участке, и такая ситуация с гардеробом обострила и без того не самые гладкие отношения рабочих со студентами. За станок их не пускали, и делали они в основном бесплатную работу: мыли станки, залазили на крышу цеха чистить снег, наводили культуру.

Культура в понятии завода — это наведение порядка на участке: чтобы в ящиках было максимум два сорта деталей, стружка стали и чугуна была в отдельных тарах, на рабочих местах был порядок, и станки чтобы были чистыми. По сути, это генеральная уборка по пятницам. Но вот если человек не знаком с этим понятием в заводском контексте, то фраза от мастера «Нам тут пизды дали за культуру!» может вызвать чувство диссонанса и хохот. Еще меня забавляло то, что контролеры принимали культуру в конце первой смены и буквально через несколько минут люди приходили на вторую смену и начинали работать, разбрасывая стружку по всему участку.

Я удивился, когда увидел крашеного блондина на нашем участке да еще и за станком. Оказалось, что он из другого учебного заведения, нежели малолетние оккупасы, поэтому отношение было к нему более снисходительное. Понимая, что моя агрессия в его сторону была необоснованной, я подошел и заговорил с ним. Я объяснил, что против него ничего не имею. Парень принял мои аргументы, мол, всякое бывает, и мы познакомились.

Оказалось, что его звали Саша, он действительно был студентом. Также периодически с ним тусовался его друг и сокурсник Сергей. Он также был на практике, но на другом участке. Так как на его участке не всегда знали, чем его занять, его присылали к нам. У нас он помогал Саше либо стоял со мной за одним станком, изображая работу.

В то время на заводе я носил майку группы «Darkthrone», и Саша распознал во мне человека, близкого по духу. Мы делились музыкой, я дал ему ключ от одного из своих шкафчиков в цеху (на тот момент у меня их было уже два), и Саша рассказал, что начал ходить на курсы ударных, потому что хочет собрать свой металл-бэнд.

В отличие от крашеного блондина Саши, Сергей был лысым, как колено, и носил довольно приличную бороду. Еще Сергей удивил меня тем, что в курилке вместо сигарет он забивал и раскуривал трубку, что вызвало у меня смех, когда я увидел это впервые. Позже выяснилось, что помимо трубки он носил с собой и сигареты, и нюхательный табак. В общем, человек, как в старом анекдоте «вот курю́ бы і курю́», любил табак.

Выяснилось, что парни ненамного меня младше, и к тому же оказалось, что у нас есть общие знакомые и общие интересы помимо музыки. Конечно же, это была водка. Так сначала мы стали пересекаться на общих тусовках в местах скопления неформальной молодежи. На тот момент это был пивной бар «Пиво без перерыва», или попросту ПБП. Там, как правило, собирались различные волосатики и прочие, кто не такой, как все, кто слушает металл и другие направления, где кричат громче музыки.

Заведение работало до 23:00, и на тот момент (а это было до 23.02.2010, когда запретили пить и пиво в общественных местах) пиво в ПБП только покупалось, а выпивалось оно в близлежащих дворах и скверике. Как правило, контингент (я сначала хотел написать молодежь, но там собиралась не только молодежь) начинал там с пивасика и плавно переходил на что покрепче и после 23:00 расползался по округе или продолжал тусовку у кого-нибудь на «флэте» (тоже не нравится мне это слово).

Я особо не любил там тусоваться, потому что у постоянных «клиентов», как правило, денег не было и они хотели в прямом смысле слова к кому-нибудь присосаться и попить пенного на халяву. На тот момент я не был жадным человеком, но и поить абы кого тоже не желал, несмотря на то что этот кто-то мог быть местной знаменитостью. Но периодически с Сашей и Сережей мы там виделись и выпивали.

Выпивать мы начали и в других местах. Второй точкой сбора неформальной молодежи была разливная в магазине «Аркада». Собственно, у тебя всегда был выбор, где наебениться в этот чудесный будний вечер: в ПБП, но там только пивко, или на Аркаде, где помимо пива на разлив была водка и другие крепкие напитки. Или можно было барражировать от одного места к другому в поисках халявы.

Также с парнями мы встречались и у них на районе.

После одной из таких встреч, когда Сережа провожал меня на автобус и приключился вот какой случай. Подъехал мой автобус, и на входе в салон меня встретил паренек ростом с Цекало. Он кричал высоким голосом: «Уйди» — и толкал меня кулаком в грудь. Не бил, а именно толкал. Он выставил руку вперед и пытался вытолкнуть меня из автобуса. Я отбил его руку, прошел в салон и встал на место, где обычно ставят коляски, воткнул наушники в уши. Это был достаточно поздний вечер, и в автобусе было не более пятнадцати человек вместе с кондуктором. Да, тогда еще по автобусу курсировали кондукторы. Как правило, это были женщины, которых очень проблематично обнять.

Я осмотрелся. Тот прыщ, который меня толкал, ходил хвостом за кондуктором. Разговора я их не слышал, но в какой-то момент женщина остановилась и, размахивая руками, что-то громко начала объяснять своему преследователю. Я снял наушники и подошел к ним.

— Он вас достает? — спросил я у кондуктора.

— Уйди! — пищал парень и снова попытался меня толкнуть кулаком.

— Да убери ты руки! — я снова ударил его по руке.

— Это друг ваш? — женщина обратилась ко мне. — Успокойте его.

— Уйди!

— Да убери ты грабли! Я его первый раз вижу. Он достает вас?

Поскольку говорили мы достаточно громко, все немногочисленные пассажиры обратили на нас внимание.

— Он никак не хочет платить за проезд и не покидает салон! — жаловалась женщина.

— Давай плати за билет!

— Уйди!

— Да я тебе сейчас руки переломаю, плати за проезд!

Всем вокруг было неподдельно интересно, чем же закончится эпопея с неоплаченным билетом.

— Сам плати! — пищал парень. — У самого билета нет.

— Давай так. Я сейчас достаю кошелек, и если у меня нет денег и нечем заплатить за проезд, то я остаюсь в салоне, женщина вызывает контролеров, выписываем на меня штраф. Все как положено. Если у меня все-таки есть, чем обеспечить проезд, то я еду дальше, а ты прямо здесь принимаешь упор лежа и десять раз отжимаешься, идет? — и я протянул ему руку.

— Да! — пропищал тот и пожал мне руку. Естественно, его ладонь была потной и мягенькой.

Кондуктор разбила нам руки. Я достал кошелек и показал проездной.

— Упор лежа принять! — победно проговорил я.

Салон автобуса разродился хохотом. Засмеялась даже кондуктор.

— Ну, давай, на пол.

— Уйди! — снова запищал тот.

— Давай. Мы поспорили, вон сколько свидетелей.

— Я не буду.

— Ну, так значит, ты хуйло!

— Ты сам хуйло!

Вот тут я понял, что шутить мне надоело.

— Ты на какой остановке выходишь?

— На ЗСК! — громко пропищал он.

Скорее всего, он думал, что меня удивит или отпугнет, что он выходит на остановке в когда-то самом криминальном районе города.

— Отлично, и я тоже!

Я отошел от него на несколько метров и снова нацепил наушники. Женщину-кондуктора он больше не доставал, а стоял, понутив голову, не теряя меня из виду. Пару раз он подходил ко мне и пытался говорить, но через музыку я не разбирал ни слова и отвечал: «Выйдем — потом скажешь».

И вот автобус подъехал к нужной остановке. Прыщ подошел к дверям. Я встал за ним. Двери открылись, а он стоял на месте.

— Ну, выходи, твоя остановка, — напомнил я.

Двери закрылись, автобус поехал дальше.

— Я один хер с тобой выйду. Все равно, какая остановка будет.

И мы вышли на следующей. И как только наши ноги коснулись асфальта, я спросил:

— Ну, че ты там пиздел, кто тут хуйло?

— Мы, наверное, не с того начали, — парень пытался говорить более низким голосом.

— Ты так думаешь? — уточнил я.

— Да, меня зовут Стефан.

— Стефан, если ты с района Сельмаша, расскажи, почему себя ведешь так? Почему слово не держишь?

— Я из Латвии приехал.

И тут он то ли специально начал говорить с прибалтийским акцентом, то ли я сам только расслышал, но речь его стала более медлительной.

— Я не знал, как тут у вас принято.

— А что, в Прибалтике доебывают женщин, которые тебя в два раза старше?

— Нет... Мы все-таки не с того начали. Можно, я тебя пивом угощу и постоим поговорим?

Признаться, пива мне хотелось, но без компании прибалта-неплательщика.

— А-а-а! Так на пиво у тебя бабки есть! Ну, пошли.

По дороге к ночнику он мне рассказывал какую-то телегу, как ему тут все нравится. Зайдя в ночник и увидев большое количество людей в очереди, этот прыщ снова набрался храбрости.

— Че ты за мной ходишь? — выпалил он снова своим пищащим голосом.

Но должного эффекта не последовало. Людям в очереди было все равно, какие отношения у двух не очень трезвых компаньонов ночью на Сельмаше.

— Давай не выебывайся, в очередь становись!

Окружающие на мои слова тоже не отреагировали, и прыщ покорно встал в очередь.

Прошло несколько минут, и я задумался: вот сейчас мы с ним выпьем, я разобью ему морду, он пойдет в милицию и напишет заяву на меня. Так себе план. Да и мы в разных весовых категориях. Есть шанс, что как минимум средней степени тяжести я ему нанесу, поэтому я решил, что все-таки мне пора домой.

— В следующий раз плати за проезд, хуйло! — посоветовал я ему напоследок.

Историю с этим кексом на следующий день я рассказал Саше, Сереже и другим из компании. Все знатно посмеялись. В общем, с приходом этих парней работать на ЗЛиНе мне стало значительно веселее.

Женик и человек, который любил веселиться

Примерно восемьдесят процентов тех, кто учился со мной на курсе, отправились отрабатывать долг перед государством на ЗЛиН. Из них практически все — в механические цеха. Так и Женик попал в механический цех МЦ-5 (не путать с МСЦ-5). МЦ-5 был соседним, и какое время назад МЦ-5 и МСЦ-5 были одним цехом. Но из-за большой номенклатуры деталей цеха разделили. Позже, примерно где-то года после 2013-го, цеха объединят вновь в единый корпус МСК-5.

Так вот, с Жеником мы учились в одной группе и работали в разных цехах, при этом общение наше стало более дружеским и тесным. Помимо этого мы еще были с ним «земляками». Квартиру он снимал на Балбесовке недалеко от меня. Сам он был родом из Петриковского района, из соседней деревни моего отца. Порой мы ездили туда вместе. Женик веселый и харизматичный парень, поэтому с новыми знакомствами на работе у него проблем не было.

Однажды я зашел к нему вечером, где в гостях с жестким диском у Женика был коллега с его участка Степан Иволгин. Наверное, нужно пояснить для молодых читателей (прим. редакции: ха-ха-ха, автор думает, что его читает молодежь): интернет не всегда был безлимитным. А у тех людей, у которых был безлимит, не всегда хватало скорости смотреть что-нибудь онлайн в приемлемом качестве, поэтому многие скачивали необходимый материал из локальной сети. Тогда это была сетка под протекцией компании «Гарант». В этой сети появлялись новинки кино и сериалов.

Естественно, эта история была платная, и сеть была протянута не во все дома. Поэтому Степан и пришел к Женику с винчестером, дабы скачать что-то для вечернего досуга. Степан оказался высоким, крепко сложенным парнем на несколько лет старше нас с Жеником. Он уже был женат, чему я был удивлен, и имел погашенную судимость, что неудивительно, учитывая заводской контингент. В общении он оказался веселым и приветливым.

Одним прекрасным зимним утром после третьей смены (с полуночи до семи утра), не заезжая домой, я сразу отправился на станцию переливания крови, где в первый и последний раз сдал кровь. После этой сдачи меня пожизненно внесли в черный список доноров крови Беларуси. Оказывается, обманывать медиков нехорошо. Кровь я сдал не столько ради денег, сколько ради того, чтобы получить два дня выходных, коими я и воспользовался.

Проснувшись ближе к вечеру после переливания крови, я был полон сил и решительно не знал, чем себя занять. Я позвонил Женику и попросился в гости, на что тот ответил, что у него на вечер планы и он уйдет через пару часов. Я попросил посидеть у него хотя бы это время. По дороге я купил бутылку водки и пачку сельди (думаю, вы догадываетесь, какой фирмы-производителя (прямо из Норвегии)). Придя к Женику, я застал друга, его соседа по квартире, его сестру и Степана.

Сестра скачивала что-то из сети. Сосед был занят своими делами. А Женик и Степан собирались в ночной клуб! Ночные клубы — весьма странное, на мой взгляд, явление, и более детальное свое отношение к ним я описал в дебютном романе «Без злого умысла». Здесь отмечу кратко. Мне кажется, что плясать по ночам — это дань победе человека над древней тьмой со времен, когда человек прятался по ночам в пещере, опасаясь, что его сожрут.

Женик водку не очень жаловал, чего не сказать о Степане. Мы собрали импровизированный стол из табуретки, вскрыли на нем селедку. Женик угостил черным хлебом. Водку разлили по кружкам.

— Ох, как хорошо ты зашел с водки! — вытирая довольное лицо от жира сельди, сказал Степан.

— А че дома сидеть. Думаю, дай зайду. Женик говорит, что вы в клуб идете.

Степан улыбнулся, жестом указал, чтобы я наливал, и мы выпили снова. Спустя минут пятнадцать с бутылкой водки было покончено.

— Нихера себе? Вы уже выпили бутылку! — удивился сосед Женика.

Признаться, это был не рекорд. Рекорд был за несколько лет до этого, когда бутылку водки на троих мы выпивали за один тост. Я разливал так, что бутылка умещалась в три стакана.

— Да! Как ты грамотно зашел с водки! — все еще приятно удивлялся Степан. — А пойдём с нами?

Признаться, я хотел, но не хотел показать, что навязываюсь сам.

— Ну если никто не против...

— Да кто против? Женик, ты против? — спросил Степан.

— Нет, — Женик пожал плечами.

— А вы в какой клуб? Европа, Плаза?

— ДК «Железнодорожников».

— А какой там клуб? — не понимал я.

— Сегодня там вечер «Кому за тридцать».

Сейчас девушки, да и вообще люди за тридцать, внешне не очень отличаются от двадцатилетних. Разница есть, но она несущественная в одежде, интересах и мемах. Тогда же, в 2010-е годы, разница между двадцатилетними и людьми, кому за тридцать, была существенная. Хотя бы в том, что тридцатилетние смотрели телевизор и про интернет знали не все. И тогда эти тетки (тогда они для меня были тетками) носили зимние шапки в помещениях. Мне все это казалось диким. Идти на тусовки, где люди тебя на десять лет старше, слушают музыку 1980-х, да еще и в ДК! Понятие «милфа» тогда уже было, но такого широкого обихода не имело. И вот милфы были в интернете, а в ДК были тетки. Узнав место их похода, я начал отнекиваться.

— Да че ты? — начал Степан. — Они не ломаются и проще дают!

— Но они же старые.

Послышался смех сестры Женика.

— Да ничего они не старые!

— Ну блин...

— Ты думаешь, там у них все обвисло?

— Да.

Степан засмеялся.

— Да все у них нормально. Поехали!

— Ну, поехали.

Вышли мы на вокзале недалеко от ДК. Степан так был впечатлен водкой, с которой я зашел, что чувствовал за собой алаверды.

— Ты водки взял, красава. Зайдем в магаз, я возьму, чем тебе ответить.

Зашли мы в магазин «Старт». В те годы он был знаменит тем, что был одним из немногих магазинов, которые работали круглосуточно. Хотя тогда была не ночь, даже не поздний вечер, народу в магазине было многовато. Степан сам решил, чем будет меня угощать, и взял коньяк. Сейчас я человек, измученный «Нарзаном», а тогда коньяк мне казался чем-то очень вонючим. Но спорить я с ним не стал, потому что Степан был очень вдохновлен.

Пару глотков мы сделали во дворе дома, в котором находился магазин. Коньяк не принято пить холодным. Его температура должна примерно соответствовать комнатной или немного выше. Этот же коньяк был просто горячим. Он стоял на самой верхней полке рядом с холодильником. Похоже, что освещение или мотор холодильника знатно его подогревали. Мне стало не очень хорошо. Благо, на случай, когда бухло просилось наружу, я всегда с собой носил мятную жвачку, которая перебивала вкус спиртного. На этот раз я спасся. Мы пошли в ДК.

Дом культуры «Железнодорожников» представлял собой огромное здание с колоннами. Внутри же помещение казалось еще масштабнее: большой светлый вестибюль, пышные люстры. Верхнюю одежду мы сдали в гардероб и пошли, собственно, на танцпол, который находился на втором этаже. Степан пронес бутылку с коньяком за поясом.

Зал танцпола представлял собой что-то вроде помещения для танцевальных кружков. Свет был выключен, кое-как мерцала светомузыка. Внутри было человек двадцать пять. И они были разбиты небольшими группками по залу. Кто-то танцевал, кто-то терся у подоконников больших окон. У одного из таких подоконников привстали и мы втроем. Сделав еще несколько глотков из бутылки, я почувствовал, что мне плохо, а Степан пустился в пляс. Он встал рядом с какими-то тетками в зимних шапках и начал двигаться с ними в ритм. Затем он склонился к одной из них, что-то сказал на ухо. Та громко рассмеялась и ударила его ладонью в грудь. Через минуту Степан подошел к нам и, перекрикивая Юру Шатунова, сказал:

— Уже наклеивается! — он указывал на тетку, с которой разговаривал. — Сейчас еще найду, с кем замутить. А как тебе сестра Женика?

— Сестра как сестра, — ответил я.

— Я считаю, что ничего такая.

И Степан отправился по другим группкам женщин. Реакция у остальных была примерно одинаковая: кто-то крутил пальцем у виска, кто-то орал на него, кто-то толкал. В то время смартфонов еще не было в широком доступе и уткнуться в экран не представлялось возможным, поэтому нам с Жеником приходилось за всем этим наблюдать. Женик был недоволен. Оно и понятно, потому что он был трезв.

В какой-то момент заиграл медленный танец и Степан начал вальсировать с одной из женщин. В конце песни к ним подошел мужчина, стоявший у соседнего подоконника. Степан остановил танец, сжал кулаки и принялся пристально смотреть в упор на мужчину. Я поспешил к ним. Мужчина был лет пятидесяти, с длинными седыми волосами и приветливой улыбкой на лице. О чем они говорили или что он говорил Степану, я не понял, но через несколько минут он вернулся к своей компании у подоконника и жестом позвал нас к себе.

В отличие от нас, они не прятали бутылку (к тому моменту мы спрятали ее за спиной Женика), у них на подоконнике была развернута газета, на которой помимо коньяка были сало, хлеб и овощи. И этот мужчина любезно настаивал, что мы должны выпить вместе за знакомство. Конечно же, мы выпили. И вот тут я понял, что коньяк совершенно не мой напиток, потому что волна тошноты ударила по мне с новой силой, а мятная жвачка закончилась еще на улице. Ну я и побежал в уборную.

Можно сказать, что я почти добежал, проронив всего лишь несколько капель в вестибюле. В уборной я провел минут семь и, когда вышел оттуда, увидел, как Женик, оперев Степана на свое плечо, пытается спустить его с лестницы. Получалось не очень. Степан был на голову выше Женика, и ноги его заплетались. Я поспешил на помощь. Кое-как одевшись, мы вышли в морозный зимний вечер, который, похоже, всех взбодрил.

Какова вероятность встретить коллегу, который тебя старше лет на тридцать, в полумиллионном городе на дискотеке «Кому за тридцать» в ДК «Железнодорожников»? Высокая, потому что, собирая Степана домой, я встретил Виталия. Мужик из одной из служб поддержки нашего цеха. С Виталием перед уходом на пенсию меня познакомил Игнатьевич. Причем как это было. Игнатьевич подвел ко мне Виталия и говорит: «Виталий. Это Андрей. Присматривай за ним, когда я уйду на пенсию».

И он реально присматривал. После того как Игнатьевич ушел с завода, Виталий по несколько раз в месяц подходил ко мне, спрашивая о моих делах, есть ли у меня работа и может ли чем-то помочь? Как же мне стало стыдно, что я встретился с ним в таком виде и в таком месте. Благо, что он видел, в каком состоянии один из моих компаньонов, и мы ограничились только рукопожатием.

Мы вели Степана на автобусную остановку под руки с двух сторон. Степан не мог стоять сам.

— Так а как тебе сестра Женика? — внезапно спросил Степан.

Я, вспоминая свои слова, повторил их:

— Да ничего такая.

И тут я получил удар в челюсть. Я сразу и не понял, что происходит. Затем последовал второй удар. И тут наконец-то до меня дошло, что Степан освободил руку, которой опирался на Женика, и бьет меня. Я отскочил от него.

— Это сестра моего кореша! — заорал Степан и, вздымая кулаки, пошел на меня.

Пришлось и мне встать в боевую стойку. Ростом мы с ним были одинакового, но по массе я уступал килограммов пятнадцать. Это и стало моим преимуществом. Удары я наносил быстрее, не получая контрмер. Драться начали мы метров за двадцать до остановки и в бою двигались в сторону этой самой остановки. Люди, ждавшие автобус, даже попытались нас разнять. И в какой-то момент это даже получилось, но буквально через пару минут Степан спросил:

— Как тебе сестра Женика?

— Да ты же сам сказал: «Ничего так!»

Степан снова ринулся в мою сторону.

Больше всего в драке со Степаном меня удивила не та подлость, с которой он напал на меня, не та сила ударов, а то, что он не падал. Я, конечно, не КМС по боксу, но видел кровь на его лице, при этом Степан не падал и не сдавался. Меня поразила его стойкость, потому что я уже начал уставать. И когда наконец я понял, что он все равно не сдается, я сбил его с ног, схватил за голову двумя руками и начал бить головой о бордюр. Хорошо, что это была зима и удары смягчали снег и зимняя шапка Степана.

Этого уже не стерпел Женик. Он вмешался и растащил нас. И наконец-то я увидел глаза друга. В них был неподдельный ужас. Он смотрел на нас и кричал:

— Все, вы довольны?!

Мы молчали.

— Вы довольны?! Дебилы!

Отчасти он был прав: драка на остановке под камерами видеонаблюдения вокзала не самая умная идея. С другой стороны, Степан первый начал!

Вскоре пришел наш автобус, и мы поехали в сторону дома. Лица у нас со Степаном были в крови. Мы стояли в конце салона, а все остальные пассажиры сгрудились в другой части автобуса. Почему-то с нами никто не хотел находиться рядом. Я попросил Женика сфоткать нас на память. Фотография получилась атмосферная: автобус и два идиота с разбитыми лицами. Степан, конечно, пострадал больше: все-таки бордюр не прошел бесследно. На его лице зрели две большие шишки.

Почему-то мы со Степаном решили, что самым правильным будет пойти к Женику и продолжить пить. Что мы не учли в этом плане, так это то, что дом Женика находится далеко от ночников.

Выйдя на остановке, Степан сказал:

— У меня к тебе должок!

И он снова набросился на меня. Я не стал уходить в дальний бой, а прибегнул к недавней панацее: снова сбил его с ног и начал бить головой о бордюр. В какой-то момент Степан уже не сопротивлялся, и я закричал:

— Все, хватит!

Я держал его голову, придавив лицо к бордюру. Степан покорно лежал. Встать самому у него не получилось. Я поднял его. Женик нас к себе по понятным причинам пускать не хотел. Я уговорил его, чтобы он позволил просто умыться от крови, что мы и сделали.

Затем мы покинули квартиру Женика. И что же делать двум заводским парням, которые только что били друг другу морды? Правильно, пить дальше. Мы обнялись, как два бывалых друга, и пошли в сторону ближайшего ночника. По дороге Степан уговаривал меня на реванш, но я, видя его лицо, понимал, что оно мне не нужно, так как выглядел он действительно хреново. На наше счастье, ночник в тот вечер не работал, и мы пошли к Степану домой. Он жил в соседней от Женика малосемейке.

Уже стоя перед входной дверью в квартиру, Степан то ли не смог сам открыть дверь, то ли не смог отыскать ключи, но дверь нам открыла его супруга. Если она и не спала, то явно планировала это, потому что в квартире было темно и одежда на ней была та, в которой обычно спят в постели. Я увидел приличный живот и только сейчас понял, что срок беременности у нее немаленький. Она ничего не сказала, просто впустила нас.

Мы прошли на кухню. Там Степан все норовил налить мне самогонки, но я предпочел какао, чем вызвал хохот у хозяина квартиры. К слову, Степан и сам себе самогонки не налил. Допив какао, я как-то остро понял, что сейчас два часа ночи, я нахожусь в гостях у семьи, которая ждет ребенка, и разговоры двух пьяниц на кухне не добавляют беременной комфорта. Я встал, сказал Степану, что пора домой, и начал одеваться. Степан же отпускать меня не хотел, уговаривал накатить самогонки, а когда понял, что я все-таки уйду, сменил тему:

— Завтра же дашь мне реванш?

По правде, драться на следующий день с таким упорным человеком, как Степан, я не хотел, но и отказать я не мог. Заводской кодекс чести, пацанская тема, вся фигня.

— Да, завтра, без проблем. На созвонах.

И я пошел домой.

На следующее утро я подводил итог потерям: лицо было практически целым, небольшой синяк под глазом и незначительное рассечение нижней губы. Учитывая кулаки Степана, я остался без ущерба для здоровья. Но вот пострадало мое любимое пальто. Степан практически полностью оторвал левый рукав. Хорошо, что по шву. Мать, конечно, новость о том, что надо к пальто пришить рукав, не обрадовала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.